

РАМИЗ СЕВДИМАЛИЕВ,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
преподаватель кафедры
международных отношений
(Бакинский государственный
университет)

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «АГРЕССИЯ»
И «ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ»
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ**

Исследуется вопрос о праве государства на самооборону в борьбе против терроризма. В этом контексте анализируется соотношение понятий «агрессия» и «вооруженное нападение». Сделан вывод о том, что объем вооруженного нападения входит в состав акта агрессии и содержания этих понятий также могут совпадать. Утверждается, что Устав ООН предусматривает строго дифференцированные правовые последствия вооруженного нападения и акта агрессии.

***Ключевые слова:** борьба против терроризма, вооруженное нападение, субъекты вооруженного нападения.*

The research is focused on the right of a state for self - defense in a fight against terrorism. The issue of correlation between the term "aggression" and an "armed attack" is being analyzed in this context. The findings show that the concept of an armed attack is a part of the act of aggression and the nature of those concepts might be the same. It is being argued that the UN Charter makes provisions for differentiated legal consequences for the act of aggression and an armed attack.

Введение. Угрозы международного терроризма носят многоплановый характер и главными объектами террористических атак являются политическая, экономическая и социальная безопасность, система политических отношений и институтов, духовно-нравственных ценностей общества и права человека, суверенитет и территориальная целостность государства. В этой связи одной из злободневных проблем является вопрос о применении военной силы государством в качестве самообороны против международного терроризма.

Постановка задачи. Цель исследования – доказать, что вооруженное нападение, являясь частным случаем нарушения принципа неприменения силы и угрозы силой, относится к категории межгосударственных правонарушений, в то время акт агрессии – к категории международных преступлений.

Результаты исследования. Необходимо отметить, что практику применения государствами вооруженных сил против терроризма имеют и некоторые государства, ссылаясь на ст. 51 Устава ООН. В борьбе с международным терроризмом в качестве самообороны неоднократно использовались военные силы. Так, США на взрывы зданий посольств в Кении и Танзании отреагировали атаками на тренировочные лагеря «Аль-Каиды», а также фармакологические заводы в Судане, имеющие связи с «Аль-Каидой», квалифицировав свои действия как самооборону. Известны также бомбардировки территории Ливии истребителями США после террористического акта, осуществленного в Германии, во время которого в

дискотеке погибли 2 американских военнослужащих. Военные действия против режима «Талибан» в Афганистане, предоставившего укрытия Усаме Бен Ладену и членам «Аль-Каиды», в ответ на террористические атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября 2001 г., проводимые антитеррористической коалицией во главе с США, также были реализованы в рамках права на самооборону. Российская Федерация в свою очередь в борьбе с террористическими группировками на территории Чечни также неоднократно прибегала к использованию, наряду со спецназом и внутренними войсками, формирований вооруженных сил. Следует отметить, что Турция на основе мандата, предоставленного правительству в октябре 2007 г. парламентом этой страны, с декабря 2007 г. стала осуществлять воздушные, а с февраля 2008 г. – сухопутные операции на севере Ирака против базирующейся там террористической организации ПКК. Однако действия этих государств были встречены неоднозначно как мировым сообществом, так и общественностью внутри своих стран.

В свете обсуждаемой проблемы необходимо подчеркнуть, что один из важных вопросов касается субъекта вооруженного нападения, поскольку, согласно ст. 51 Устава ООН, члены Организации обладают неотъемлемым правом на индивидуальную или коллективную самооборону в ответ на совершенного против него вооруженное нападение [7].

Ряд авторов преимущественно постсоветского пространства считают, что в качестве субъектов вооруженного нападения, согласно Уставу ООН, выступают государства [3; 5; 8]. Свои утверждения они обосновывают тем, что Устав ООН принят в условиях, когда основные угрозы территориальной неприкосновенности и политической независимости государства исходили от других государств. В то же время западные специалисты выступают против этого заключения и, ссылаясь на отсутствие каких-либо указаний относительно субъекта вооруженного нападения в ст. 51 Устава ООН, утверждают, что субъектами вооруженного нападения могут быть как государства, так и негосударственные образования [10]. Действительно, ст. 51 Устава ООН, указывая, что «... если произойдет вооруженное нападение на члена Организации», подтверждает, что объектами вооруженного нападения являются государства и, какие-либо ссылки касательно субъекта этого нападения отсутствуют. Как нам представляется, данное опущение в указанной статье не является случайным. Это предположение связано с тем, что в п. 4 ст. 2 Устава ООН, касающегося запрета на применение силы или угрозы ее применения, содержится ссылка на государства. Ведь составители Устава ООН понимали, что данная организация может контролировать действия субъектов международных отношений и обязывать их воздержаться от применения силы или угрозы ее применения, а обязательства, налагаемые негосударственным образованиям, не подчиняющимся международно-правовым нормам, оказались бы бессмысленными. Итак, анализируя содержания п. 4 ст. 2 и ст. 51 Устава ООН, можно прийти к выводу, что п. 4 ст. 2 налагает конкретные ограничения на применение силы или угрозы ее применения государствами, в то время как ст. 51 дает право им применять силы в ответ на вооруженное нападение. На наш взгляд, было бы неправильным ограничивать это право только ответами на нападения, осуществляемые другими государствами, когда такое нападение может осуществляться также со стороны негосударственных образований. В подтверждение данного предположения также следует подчеркнуть, что и в ст. 39 Устава нет никаких ссылок на источник «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии», наличие которых определяется Советом Безопасности ООН. Таким образом, сравнительный анализ содержания п. 4 ст. 2, а также ст. 39 и 51 Устава ООН позволяет сделать такое заключение: согласно Уставу ООН, в качестве субъекта вооруженного нападения могут выступать не только государства, но и негосударственные образования.

Важно также подчеркнуть, что принятие решения о применении военной силы

государством в качестве самообороны против негосударственных образований, занимающихся террористической деятельностью, должно осуществляться в рамках действующего международного права и иметь правовой характер, а также средства и методы ведения военных действий, используемых вовлеченными в вооруженный конфликт сторонами, должны подчиняться международному праву. В связи с этим, на наш взгляд, является актуальным вопрос о том, можно ли антитеррористические операции рассматривать в рамках мер, предусмотренных в Уставе ООН.

Известно, что толкование соотношения норм, изложенных в п. 4 ст. 2 и ст. 51 Устава ООН, создает основу для понимания существа и особенностей института самообороны в современном международном праве [5, с. 6]. Так, согласно п. 4 ст. 2 Устава все государства в международных отношениях воздерживаются «от угрозы силой или ее применения против как территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» в качестве разрешения противоречий. В то же время ст. 51 Устава подтверждает неотъемлемое право государств на индивидуальную или коллективную защиту в ответ на вооруженное нападение, тем самым предоставив им право на применение военной силы. Так, Устав ООН «ни в коей мере не затрагивает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации» [7].

Отметим, что по вопросу характера соотношения п. 4 ст. 2 и ст. 51 Устава ООН мнения специалистов по международному праву разделились. Как отмечает российский ученый Э. И. Скакунов, специальный комитет по принципам международного права, касающимся дружественных взаимоотношений и сотрудничества государств, в своих докладах за 1964 и 1966 гг., относительно указанного вопроса, отмечал, что «было достигнуто общее согласие о том, что право на индивидуальную или коллективную самооборону, как оно признается в ст. 51 Устава, представляет собой исключение из запрещения угрозы силой или ее применения, содержащегося в п. 4 ст. 2 Устава» [5, с. 6–7]. Именно мнение о том, что право на самооборону является исключением из общего правила о запрещении угрозы силой и ее применения в межгосударственных отношениях, нашло широкое распространение в западной доктрине международного права [10]. Иное мнение преобладает среди специалистов стран постсоветского, преимущественно российского, пространства по международному праву. Согласно этому представлению, право на самооборону является правовым положением государства, по отношению к которому не было выполнено обязательство по воздержанию от угрозы силой или применения силы в форме вооруженного нападения [3; 5; 6; 8].

Важно отметить, что толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН нашло свое отражение в Декларации о принципах международного права, принятой ГА ООН резолюцией от 1970 г., которая устанавливает, что «угроза силой или применение силы создает нарушение международного права и Устава Организации Объединенных Наций» [1]. Можно сделать вывод, что формулировка «угроза силой или ее применение» нашла свое отражение в Уставе ООН для обозначения международного обязательства государства, а не правонарушение с его стороны. С этой точки зрения, действия государства, совершившего вооруженное нападение, можно квалифицировать как одну из форм нарушения обязательства воздержаться от угрозы силой и ее применения, которые направлены против территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства.

Ввиду этого вооруженное нападение как одна из форм нарушения обязательства воздержаться от угрозы силой и ее применения по смыслу ст. 51 Устава ООН рассматривается как основание для обращения к самообороне. Следовательно, применение силы в порядке самообороны не является исключением из п. 4 ст. 2 Устава ООН, поскольку эта мера направлена на обеспечение соблюдения установленных Уставом норм [8]. Иначе говоря,

самооборона является правом государства, реализуемым с соблюдением норм международного права, на принудительное обеспечение своей территориальной целостности и политической независимости от насильственного акта, осуществляемого в форме вооруженного нападения. Это, в свою очередь, предполагает, что право на самооборону является средством принудительного обеспечения международно-правовой нормы воздержания от применения силы в форме вооруженного нападения. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что самооборона является формой индивидуального принуждения, которое признается в качестве правомерного обеспечения международного права.

Действительно, только противоправные действия могут создавать условия для принудительных мер. В этом контексте право на самооборону представляет собой принудительную меру, поскольку она производна от нарушения обязательства по воздержанию от применения силы, осуществляемого в форме вооруженного нападения. Таким образом, право на самооборону характеризует правовое положение государства, по отношению к которому не было выполнено обязательство по воздержанию от угрозы силой или применения силы в форме вооруженного нападения. Российский ученый Э. И. Скакунов относительно обсуждаемого вопроса отмечает, что право на самооборону «вмещает в себя два теоретически различных понятия. С одной стороны, этому «праву» можно придавать значение абстрактной способности к правообладанию, лежащей в сфере возможности, то есть рассматривать это «право» как элемент правосубъектности государства. С другой же стороны, «право на самооборону» обладает качеством субъективного права, переносится в сферу действительности, становясь конкретным правомочием государства ликвидировать предпринятое против него вооруженное нападение. В первом из этих значений самооборона связана с потенциальной, а во втором – с реальной защитой субъективного права на территориальную неприкосновенность и политическую независимость» [5, с. 13].

Анализируя содержания ст. 51 Устава ООН, который также ставит определенные ограничения на осуществления права на самооборону, можно прийти к следующим выводам: самооборона, во-первых, в соответствии со ст. 51 и п. 4 ст. 2 Устава ООН является мерой, направленной на пресечение нарушения принципа воздержания от угрозы силой или неприменения ее в виде вооруженного нападения против как территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства и восстановления нарушенного международного правопорядка. Во-вторых, основанием для принятия решения о самообороне является вооруженное нападение. В-третьих, объектами вооруженного нападения являются государства. В-четвертых, наличие вооруженного нападения устанавливается потерпевшим государством. В-пятых, право принятия решения о самообороне принадлежит государству, подвергшемуся вооруженному нападению, и для этого не требуется решение или санкция СБ ООН. В-шестых, государство, подвергшееся вооруженному нападению, вправе не только защищать себя, но и получать поддержку от других государств. В-седьмых, о принятых мерах для реализации права на самооборону, «должно быть немедленно сообщено Совету Безопасности», и они «никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности». В-восьмых, применение военной силы в целях самообороны может быть продолжено «до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности» [7].

С другой стороны, согласно ст. 39 Устава ООН Совет Безопасности «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает, какие меры следует принять». В соответствии со ст. 41 Устава эти меры в первую очередь сводятся к разрыву экономических и дипломатических отношений, а также включают в себя «полный или частичный перерыв экономических отношений,

железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений». В случае, если СБ сочтет, что эти «меры могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными», он может предпринимать более жесткие меры. Это, согласно ст. 42 Устава, – «действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов Организации» [7]. Другими словами, СБ ООН может принимать решение о применении военной силы. В данном случае государства либо предоставляют свои вооруженные силы, которые будут воевать под эгидой ООН, либо действуют в индивидуальном порядке.

Видно, что в Уставе ООН используются понятия «угроза миру или нарушение мира», «агрессия» и «вооруженное нападение», при возникновении которых допускается применение вооруженной силы. В то же время, если при возникновении вооруженного нападения решение о применении военной силы принимается потерпевшим государством, то принятие решения о применении военной силы при существовании любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии является прерогативой СБ ООН. Сравнительный анализ ст. 39 и 51 Устава ООН дает возможность сделать вывод, что содержание понятия «агрессия» шире содержания понятия «вооруженное нападение», поскольку СБ ООН при установлении того, был ли совершен акт агрессии, может квалифицировать такой акт как действие, которое является или не является вооруженным нападением. Следовательно, по содержанию вооруженное нападение и акт агрессии могут как совпадать, так и отличаться. Иными словами, действия, которые квалифицируются потерпевшим государством как вооруженное нападение, дающее основания для реализации права на самооборону, согласно Уставу ООН не могут автоматически считаться актом агрессии. Таким образом, можно констатировать, что «вооруженное нападение» и «агрессия» являются важными как в теоретическом, так и в практическом плане международно-правыми понятиями.

Понятие «агрессия» нашло свое определение в резолюции 3314(XXIX) ГА ООН «Определение агрессии» от 1974 г. [4]. Согласно ст. 1 этой резолюции «агрессией является применение вооруженной силы государством (или группой государств – *Прим. Р. С.*) против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». В ст. 3 резолюции приводятся семь видов действий и любое из них, независимо от объявления войны, квалифицируется в качестве акта агрессии.

В то же время в резолюции ст. 4 оговорено, что перечень актов, приведенных в ст. 3, не является исчерпывающим, и СБ ООН может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава. Согласно ст. 5 резолюции агрессивная война является преступлением против международного мира, и агрессия влечет за собой международную ответственность, а также никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными. Необходимо подчеркнуть, что эти положения также нашли свое отражение в Декларации о принципах международного права, принятой в 1970 г. [1], и Заключительном акте СБСЕ 1975 г. [2], утвердившись в качестве составных элементов содержания основных принципов международного права о неприменении силы или угрозы силой, а также о территориальной целостности государств и др.

Необходимо отметить, что ст. 51 Устава ООН не представляет полную совокупность правовых норм, касающихся права государств на самооборону. В данной статье Устава говорится о «неотъемлемом праве» государств на индивидуальную и коллективную самооборону. В то же время, ст. 51 Устава оставляет без ответа ряд вопросов о некоторых аспектах осуществления этого права. Так, хотя ст. 51 Устава устанавливает порог

«вооруженного нападения», которое является необходимым условием, дающим государству право на самооборону, она не содержит дефиницию этого термина и не формулирует общепринятых требований к реализации права на самооборону. Более того, толкование содержания понятия «вооруженное нападение» отсутствует и в других документах ООН.

Толкование содержания понятия «вооруженное нападение» нашло свое отражение в решении Международного Суда ООН по делу Никарагуа против США, принятом 27 июня 1986 г. В постановлении Международного суда приводится следующее толкование его содержания: «В настоящее время имеется общее согласие относительно характера актов, которые могут считаться вооруженным нападением. В частности, можно считать, что есть согласие в отношении того, что в вооруженное нападение, должна включаться не только акция регулярных вооруженных сил, осуществляемая через международную границу, но также «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных вооруженных формирований или наемников, которые осуществляют против другого государства вооруженные силовые действия, носящие столь значительный характер, что позволяет квалифицировать их как (помимо прочего) фактическое вооруженное нападение, осуществляемое регулярными вооруженными силами, «или его значительное участие в них». Это описание, содержащееся в пункте «g» ст. 3 «Определение агрессии», которое является приложением к резолюции 3314(XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН, можно считать отражающим нормы международного обычного права». Международный Суд при рассмотрении дела Никарагуа против США также постановил, что право на самооборону, вытекающее из международного обычного права, «продолжает существовать наряду с нормами права международных договоров» и, в частности, положениями ст. 51 Устава ООН. В то же время Международный суд, учитывая, что Устав обязывает государства информировать Совет Безопасности о мерах, принятых в порядке осуществления права на самооборону, признал, что в международном обычном праве информирование Совета Безопасности «не является условием правомерности использования силы в порядке самооборонь», но «следует ожидать уважения требований Устава» [9, Para. 195]. Таким образом, Международный суд в решении по делу Никарагуа против США признал, что международное обычное право содержит не охваченные ст. 51 принципы необходимости и пропорциональности, касающиеся права на самооборону, которые с Уставом в противоречие не вступают и дополняют друг друга.

Как видно, Международный Суд при определении вооруженного нападения выделил пункт «g» ст. 3 «Определения агрессии» и не остановился на других ее пунктах. По мнению С. В. Черниченко, если Международный Суд «счел положение пункта «g» (которое вызвало в доктрине споры), отражающим международное обычное право, то тем более эта оценка должна быть отнесена к другим положениям ст. 3. Такое толкование логически вытекает из приведенного высказывания Международного Суда и явно подразумевается» [8, с. 457].

Из вышесказанного становится очевидным, что согласно международному праву объем вооруженного нападения четко установлен, в то время как объем акта агрессии варьируется в зависимости от ситуации и его точное описание, согласно ст. 39 Устава ООН, входит в компетенцию Совета Безопасности. Следовательно, действия, которые потерпевшим государством квалифицируются как вооруженное нападение, не могут автоматически считаться актом агрессии, так как, согласно ст. 51 Устава ООН, осуществление потерпевшим государством права на самооборону не должно затрагивать полномочий СБ, которые включают в себя и право давать оценку сложившейся ситуации и в соответствии со ст. 39 решать, возникла ли угроза миру, произошло ли любое нарушение мира или совершен акт агрессии. Таким образом, в рамках своей компетенции СБ в контексте ст. 51 Устава ООН может принимать решение об обоснованности или необоснованности осуществления права на самооборону и может квалифицировать вооруженное нападение как одну из ситуаций, предусмотренных ст. 39 Устава.

Выводы. Можно сделать вывод о том, что вооруженное нападение, являясь частным случаем нарушения принципа неприменения силы и угрозы силой, относится к категории межгосударственных правонарушений, в то время акт агрессии – к категории международных преступлений. Данное обстоятельство нашло свое подтверждение в Уставе ООН, согласно которому вооруженное нападение порождает право государства на самооборону и факт наличия вооруженного нападения устанавливается потерпевшим государством, а акт агрессии – принудительные меры, о которых решение принимается Советом Безопасности. Другими словами, Устав ООН предусматривает строго дифференцированные последствия этих правонарушений. Таким образом, объем вооруженного нападения входит в состав акта агрессии и содержания этих понятий также могут совпадать.

Список использованных источников:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, A/RES/2625(XXV), 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.un.org].
2. Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1975 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.osce.org]
3. Курс международного права : в 7 т. – Т. 2 : Основные принципы международного права ; отв. ред. И. И. Лукашук. – М. : Наука, 1989. – 240 с.
4. Определение агрессии [Электронный ресурс] : Резолюция 3314(XXIX) ГА ООН от 1974 г. – Режим доступа : [http://www.un.org]
5. Скакунов Э. И. Самооборона в международном праве / Скакунов Э. И. – М. : Международные отношения, 1973. – 176 с.
6. Тузмухамедов Б. Р. К вопросу об упреждении силой / Б. Р. Тузмухамедов // Московский журнал международного права. – 2006. – № 1. – С. 374–384.
7. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.un.org]
8. Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. / Черниченко С. В. – Т. 2 : Старые и новые теоретические проблемы. – М. : Изд-во «НИМП», 1999. – 531 с.
9. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. US*), Merits, I.C.J. Reports 1986 [Электронный ресурс]. Режим доступа : [http://www.icj-cij.org].
10. Schmitt M. N. Counter-Terrorism and the Use of Force in International Law / Schmitt M. N. – Garmisch-Partenkirchen : George C. Marshall European Center for Security Studies, 2002. – 102 p.

ДЖАФАРОВ ИЛЬЯС ХИКМЕТ ОГЛЫ,
докторант кафедры теории
и истории государства и права
(Бакинский государственный
университет)

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Отмечается, что представления отдельных лиц о справедливости, о собственных правах и обязанностях фиксируются в их правосознании в форме ценностей, а система ценностей является ядром правового сознания. В этой связи

